

**От счастья до пошлости – один шаг
(картина мира в рассказе
А.П. Чехова «Учитель словесности»)**

**From happiness to vulgarity there is one step
(world perception in A.P. Chekhov's story
«Literature teacher»)**

Андреев А.Н.

д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва
e-mail: anandreev58@gmail.ru

Andreyev A.N.

Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of The Department of the pedagogy and psychology of the professional education, K.G. Razumovsky MSUTM (FCU), Moscow
e-mail: anandreev58@gmail.ru

Артемьева С.И.

канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва

Artemyeva S.I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of The Department of the pedagogy and psychology of the professional education, K.G. Razumovsky MSUTM (FCU), Moscow

Аннотация

Модель смены мировосприятия, отраженная в рассказе «Учитель словесности», представляется типично чеховской. Писатель тщательно фиксирует тот самый роковой шаг, который отделяет счастье от несчастья (в данном случае несчастье принимает форму пошлости). Шаг этот начинается с рассуждений (с деятельности сознания), а заканчивается прозрением – и, соответственно, изменением картины мира. Далее приходит осознание невозможности что-либо изменить. Человек становится умнее, а жить ему становится труднее: таков итог художественного исследования Чехова.

Ключевые слова: Чехов, рассказ «Учитель словесности», любовь, счастье, психика, сознание, противоречия.

Abstract

The model of world perception change shown in the story "Teacher of literature", seems to be typically Chekhov's one. The writer carefully fixes that very fatal step that separates happiness from misfortune (in this case, misfortune takes the form of vulgarity). This step starts with reasoning (with the activity of consciousness), and ends with enlightenment - and, accordingly, a change in the picture of the world. Then comes the realization of the impossibility of changing anything. A person becomes smarter, and life becomes more difficult for him: this is the result of Chekhov's artistic research.

Keywords: Chekhov, story «Literature teacher», love, happiness, psychics, conscience, contradictions.

Феномен творчества А.П. Чехова заключается в том, что писатель сумел обнаружить и художественно зафиксировать во внутреннем мире человека раздирающие его противоречия: с одной стороны, высокое стремление к универсальной истине («общей идее», «генеральной идее» – названия в текстах Чехова встречаются разные), а с другой стороны, невозможность жить без «маленькой правды», без идеологической «зацепки», желание жить просто, совершенно без стремления к истине. Счастье и несчастье человека парадоксальным образом располагаются между этими ментальными полюсами – «зацепкой» и истиной. Собственно, между психикой и сознанием. Именно художественное исследование взаимодействия психики и сознания приобрело Чехову как писателю мировое имя.

Чехов, единожды поняв, никогда не уклонялся от ностальгии по общей идее, и все идеологические «зацепки», которые в той или иной степени воплощали идею генеральную, искомую, высмеивал беспощадно: от мягкой иронии до вполне ядовитого сарказма (см. ту же «Душечку») – вот воинственный арсенал комической палитры. Такое впечатление, что у него были личные счёты с узколобостью идеологии. Да иначе и быть не могло: это даже не путь Чехова, это универсальный путь духовного становления и мужания любой личности. Чехов интересен как раз тем, что во множестве вариантов представил коренной духовный архетип.

Все его рассказы об одном и том же: о несовершенстве и скудности жизни, о торжестве пошлости, о самовлюбленности «зацепившихся», о разочаровании прозревших. Вариантов – много, стержень – один. В данном случае позволим себе проиллюстрировать ностальгию по «правде» («до правды еще далеко», по словам художника, главного героя «Дома с мезонином») рассказом удивительно совершенным и лаконичным. Речь идет об «Учителе словесности» (1894).

Три года – ровно столько понадобилось герою рассказа «Три года» (1895), чтобы развеялись его возвышенные иллюзии. Однако, утверждает А.П. Чехов в рассказе «Учитель словесности», достаточно и года, чтобы блаженство обернулось мертвящей скукой. Отныне – и навсегда.

Строго говоря, метаморфоза от счастья к пошлости содержит в себе какой-то универсальный закон.

Вот прелюбопытная модель такого рода отношений с миром – «Учитель словесности». Маша Шелестова, Мария Годфруа, Манюся (переключка с Мисюсь, героиней рассказа «Дом с мезонином», очевидна) любит гимназического учителя словесности Сергея Васильевича Никитина. И он ее любит, нежно и поэтично, как Лаптев свою Юлию («Три года»). Редкий случай полной взаимности, полного отсутствия помех для «земного» счастья – «и будущее кажется прекрасным». Для чистоты эксперимента созданы все надлежащие условия. Была, правда, сестра Манюси, Варя, некий аналог Лиды Волчаниновой («Дом с мезонином»), девушка ворчливая и, разумеется, «умная и образованная». Но и она не стала препятствием для блаженства.

Посмотрим на баловней судьбы в начале их пути к прекрасному будущему. Молодые, здоровые и красивые люди едут на «превосходных и дорогих лошадях». Даже не так: рассказ начинается с изысканной звукописи: «Послышался стук лошадиных копыт о бревенчатый пол»... Поэтическое мировосприятие доминирует. «Был седьмой час вечера – время, когда белая акация и сирень пахнут так сильно, что, кажется, воздух и сами деревья стынут от своего запаха. В городском саду уже играла музыка. Лошади звонко стучали по мостовой; со всех сторон слышались смех, говор, хлопанье калиток. (...) А как тепло, как мягки на вид облака, разбросанные в беспорядке по небу, как кротки и уютны тени тополей и акаций, -- тени, которые тянутся через всю широкую улицу и захватывают на другой стороне дома до самых балконов и вторых этажей!».

Перед нами райский вечер – и какой разительный контраст с мрачным утром, которым начинается «Три года». Восторг и упоение жизнью захлестнули Никитина настолько, что он не замечал нормальную пошлость, мирно соседствовавшую с высоким и одухотворенным строем чувств. «Ну, дом! – думал Никитин, переходя через улицу. – Дом, в котором стонут одни только египетские голуби, да и те потому, что иначе не умеют выражать своей радости!».

А между тем пошлости было хоть отбавляй, пошлость выпирала и красовалась. Собственно, пошлым было все то, что так нравилось Никитину или окружало его – однако он был влюблен в Маню, а любовь слепа. Любви нет дела до пошлости. Пошное общество, пошлые споры, глупая манера поведения Вари, мещанское изобилие псов и кошек в «доме», пошлая занудливость старика Шелестова, символ мертвящей скуки и пошлости бессмертный Ипполит Ипполитыч, дурак Полянский, «мумия» Шебалдин, бригадный генерал со своим пошлым «розаном»... Но воплощением и олицетворением пошлости была Манюся, женившись на которой Никитин утонул в «полном, разнообразном счастье». «Разумная и положительная» Маня с энтузиазмом завела «настоящее молочное хозяйство», обнаружила сверхрачительность, и даже мелочность, столь необходимые хозяйке. «То, что в ее словах было справедливо, казалось ему необыкновенным, изумительным; то же, что расходилось с его убеждениями, было, по его мнению, наивно и умилительно». «Я верю в то, что человек есть творец своего счастья, и теперь я беру именно то, что я сам создал. (...) Сиротство, бедность, несчастное детство, тоскливая юность – все это борьба, это путь, который я прокладывал к счастью...» «Я бесконечно счастлив с тобой, моя радость, -- говорил он, перебирая ей пальчики или распуская и опять заплетая ей косу». Счастье Никитина, «личное счастье» – тоже было пошлым, и оно все увеличивалось. «Даже еще прибавилось одно лишнее развлечение: он научился играть в вист».

А зима, заметим, «была вялая», «во весь учебный сезон не было никаких особенных событий».

Что же разрушило эту молочно-кисельную образцовую идиллию? Что заставило Никитина схватиться за голову («когда Никитину приходилось оспаривать то, что казалось ему рутинной, узостью или чем-нибудь вроде этого, то обыкновенно он вскакивал с места, хватал себя обеими руками за голову и начинал со стоном бегать из угла в угол»)?

Объяснение очень простое. Началось все с невесть откуда взявшихся рассуждений о том, что счастье «досталось ему даром, понапрасну», оно было излишней «роскошью» и «имело какое-то странное, неопределенное значение». Учитель словесности отлично понимал, что «эти рассуждения сами по себе уже дурной знак». И уже дома, куда, кстати, ему впервые не хотелось идти, ему как-то сразу, вдруг открылась пошлая природа Манюси. Пелена спала с глаз, и он в новом свете увидел не только жену, но и себя вместе со своим счастьем. «Он думал о том, что, кроме мягкого лампадного света, улыбающегося тихому семейному счастью, кроме этого мирка, в котором так спокойно и сладко живет ему и вот этому коту, есть ведь еще другой мир... И ему страстно, до тоски вдруг захотелось в этот другой мир, чтобы самому работать где-нибудь на заводе или в большой мастерской, говорить с кафедры, сочинять, печатать, шуметь, утомляться, страдать... Ему захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны». * Никитину не хватало дела и деятельности. Сам себе он казался уже не «творцом своего счастья», не педагогом и учителем словесности, а «чиновником», «бездарным и безличным»; «никогда у него не было призвания к учительской деятельности, с педагогией он знаком не был и ею никогда не интересовался, обращаться с детьми не умеет; значение того, что он преподавал, было ему неизвестно и, быть может, даже он учил тому, что не нужно».

Так что же произошло? Произошла обыкновенная трагедия: у господина Никитина проснулось сознание. Он задумался – а счастье как материя психологическая не терпит критики или анализа. «Он догадывался, что иллюзия иссякла и уже начиналась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем и личным счастьем».

Получается: когда есть «иллюзии» (зацепки), когда не замечаешь пошлой реальности – тогда и сам пошло счастлив; но как только начинается «сознательная жизнь» – тут уж прощай, счастье. Вот почему счастье у Чехова бывает только пошлым; нечто достойное человека, мыслящего существа, перестает быть счастьем, превращаясь в какую-то «нервную» долю, судьбу, которую можно разве что влачить.

* Социальные сдвиги того времени предопределялись заметными переменами в материальной жизни, которые неоднократно рассматривались в работах российских авторов, изучавших современный А.П. Чехову период отечественной истории [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Кстати, по поводу судьбы. Судьба, собственно, не скрывала, что жизнь прожить – не поле перейти. Имеющий глаза увидел бы следующее (между прочим, в самом начале рассказа): «Выехали за город и побежали рысью по большой дороге. Здесь уже не пахло акацией и сиренью, не слышно было музыки, но зато пахло полем, зеленели молодые рожь и пшеница, пищали суслики, каркали грачи. Куда ни взглянешь, везде зелено, только кое-где чернеют бахчи да далеко влево на кладбище белеет полоса отцветающих яблонь. Проехали мимо боен, потом мимо пивоваренного завода, обогнали толпу солдат-музыкантов, спешивших в загородный сад». Странный пассаж, диссонансами деталей вторгающийся в общий и целом счастливую картину мира (каркающие грачи, чернеющие бахчи, кладбище, отцветающие яблони, бойни). Все эти мрачные реалистические детали располагаются на периферии поэтического мировосприятия. Никитин их в упор не замечает. Не желает замечать. Он видит другую весну, особую – ту, которую хочет видеть. В угоду своим желаниям он «стирает случайные черты», все эти бойни и кладбища. А судьба предлагала более объективную картину...

Вот он, закон мировосприятия: сознание видит то, что существует, психика – то, что хочется видеть. А человек выбирает.

«Начиналась весна, такая же чудесная, как и в прошлом году, и обещала те же радости...» Однако Никитин понимал, что «покой потерян, вероятно, навсегда и что в двухэтажном нештукатуренном доме счастье для него уже невозможно». «В соседней комнате пили кофе и говорили о штабс-капитане Полянском, а он старался не слушать и писал в своем дневнике: «Где я, боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!».

Это, конечно, романтическая стадия горя от ума. Начиная лишней, Никитин еще не понимает, что альтернатива «страшной», но такой жизнеутверждающей пошлости и счастью – путь к смерти. Чехов очень дорожит этой романтической стадией, останавливая героев у последней черты, обрывая их судьбы на самом интересном месте, не лишая их последней призрачной надежды. «Поживем – увидим». Эта стадия позволяет поэтизировать возвышенный строй мыслей – отсюда знаменитый чеховский лиризм. Герои уже выше пошлости, но еще не обрели неземного образа мыслей. Еще чуть-чуть – и...

Откуда такая уверенность, что они отыщут философский камень – неземную общую идею?

Это не уверенность, это последняя зацепка, надежда, что и от пошлости можно уйти, и смерти как-то избежать. В сущности, формулируется проблема: как бы это жить «сознательной жизнью» и ощущение «полного и разнообразного счастья сохранить».

Но это и есть проблема психики и сознания. Никитин за голову хватается при виде пошлости, собирается бежать от нее, не понимая, что жизнь торжествует только через пошлость. Учитель словесности нарушает первую заповедь лишнего: не искажай реальность, принимай ее такой, какая она есть, без сожалений оставь зацепки. А бежать от себя – это, конечно, зацепка. Чехова давно уже объявили борцом с пошлостью, в которой, словно в тине, тонут многие его герои. Самый одиозный из них – Ионыч. Странно, что никому не пришло в голову: бороться с пошлостью – бороться с жизнью. Не потому ли герои Чехова испытывают чувство вины перед жизнью – и отсюда вся их рефлексия с гнильцой? Они безотчетно «понимают», что не только жизнь «не такая», полужизнь, но и они «не такие».

Вот это и есть тот самый экзистенциальный пустячок, который не позволяет героям Чехова осмелиться стать счастливыми, открыть калитку и просто выйти из логически-магического круга, который у них в голове, а не в реальной жизни. «Как? Как? – спрашивал он, хватая себя за голову. – Как? (Это уже Дмитрий Дмитрич Гуров из «Дамы с собачкой» – А.А.)

И казалось, что еще немного – и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается».

Потрясающее диалектическое чутье демонстрирует Чехов, чутье человека умного и порядочного, к тому же беспредельно, по-русски, талантливое.

Литература

1. Рассказ цитируется по изданию: Чехов А.П. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 4, 6, 7. – М., «Правда», 1970.
2. *Андреев А.Н.* Информационная структура личности как категория педагогики//Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 15–19.
3. *Артемова С.И.* Современный гуманизм: обращение к истокам//В сборнике: Теоретические и методические проблемы современного образования Материалы международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 138–145.
4. *Артемова С.И., Иванцова Н.Ф.* История России 1900-1917 гг. социально-экономический аспект. Рецензент: доктор исторических наук, профессор Н.С. Модоров, кафедра отечественной истории БиГПИ. Бийск, 2000. – 96 с.
5. *Артемова С.И.* Интеллигенция и традиция: два направления в российском самосознании// В сборнике: Логика социокультурной эволюции. – 1996. – С. 188–192.
6. *Гладков И.С., Зорина И.Ю.* Развитие российской промышленности в XIX – начале XX веков//Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 5. – С. 72–76.
7. *Гладков И.С., Пилюян М.Г. Граф Е.Ф. Канкрин: воспоминание о будущем//Международная жизнь.* – 2012. – № 13. – С. 148–157.
8. *Гладков И.С., Пилюян М.Г.* История мировой экономики: Научное издание/2-е издание. - М.: ИЕ РАН, Проспект. 2016. – 384 с.
9. *Шатило И.С., Кащенко Т.Л.* Гуманитарная культура как феномен духовности//Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2013. – Т. 2. – № 3 (4). – С. 10–19.